

LEONOVA Oksana Vyacheslavovna, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of the Central Russian Institute of Management – Orel Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Sa Pobedy Blv, Orel, Russia, 302028; oks980@rambler.ru)

STATE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: DEVELOPMENT PRACTICE AND NEW LEGISLATIVE PARADIGMS

Abstract. The article provides a political analysis of the practice of formation and implementation of state youth policy. The author investigates the influence of amendments to the Constitution of the Russian Federation on the development of new legislative foundations of youth policy in Russia and substantiates the expediency of adopting the federal law «On Youth Policy in the Russian Federation».

Keywords: youth policy, federal law «On Youth Policy in the Russian Federation», youth, amendments to Constitution of Russian Federation, youth organizations

УДК 312.019.51

РАСТИМЕШИНА Татьяна Владимировна – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники (МИЭТ)» (124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1; rast-v2012@yandex.ru)

ПИРОГОВ Александр Иванович – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники (МИЭТ)» (124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1; aipirogov2013@gmail.com)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС ВЛАСТИ: ДЕМУЗЕЕФИКАЦИЯ СОБОРА СВ. СОФИИ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь культурного наследия и политических интересов власти; уточняется понятие ценности культурно-исторического объекта в его социокультурном контексте и тесной взаимосвязи с политическими потребностями и интересами субъектов политики; обосновывается возможность конвертирования ценности объектов культурного наследия во властные ресурсы. На примере собора св. Софии в Стамбуле авторы характеризуют музеефикацию как способ разрешения конфессионального противостояния и демузеефикацию как инструмент сохранения и укрепления политических позиций действующей власти в сложных социально-экономических и политических условиях, связанных в т.ч. с глобальной пандемией коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: культурное наследие, музеефикация, демузеефикация, политические интересы, власть, пандемия, коронавирус

Несколько вводных тезисов. Суть любой политики заключается в реализации интересов социального субъекта по поводу завоевания и удержания власти. Вся человеческая история указывает на то, что именно политические интересы являются наиболее ресурсоемкими, для их достижения применяются любые методы – от альковной интриги до кровопролитной войны с при-

менением оружия массового поражения, и любые инструменты – от религиозных текстов до ракетных установок. В основе практики эксплуатации и охраны культурного наследия, как и любой рациональной политической практики, также лежит политический интерес, и именно он выступает как реальная и основная причина активности субъекта, иницилирующего и организующего охрану, эксплуатацию, экспроприацию или разрушение тех или иных объектов культурного наследия.

Второй важный тезис. Синтезируя различные точки зрения на сущность ценности, можно в общих чертах принять, что ценность – это осознанная людьми значимость объектов окружающего мира, которая определяется их возможностью удовлетворить те или иные потребности людей. Некоторые авторы полагают, что «культурные ценности – особый вид ценностей, способный в той или иной мере удовлетворить духовные или эстетические потребности человека»¹, однако, с нашей точки зрения, такое представление о культурной ценности является излишне односторонним, поскольку в общей системе философских и гуманитарных дискурсов ценность – одна из наиболее важных понятийных универсалий, в общем виде раскрывающая общечеловеческую, социальную и культурную значимость объектов действительности и человеческого бытия в отвлеченности от их (объектов) экзистенциальных и качественных характеристик. Удовлетворение «духовных или эстетических потребностей человека» происходит не в силу того, что объекты обладают специфической внутренней структурой, а именно потому, что они вовлечены в сферу этого человеческого бытия, в сферу социальных отношений. Поэтому приведенное определение, по сути, игнорирует субъективную природу ценности. Ценность вещи или не вещного явления неотделима от человека, который «присваивает» вещам соответствующую аксиологическую значимость в условиях конкретного исторического, культурного, экономического или политического бытия и в соответствии с субъективным его восприятием. Поэтому ценность не объективна, она фактически не связана с имманентными свойствами самой вещи, она субъективна и присваивается, и определяется в первую очередь тем, какую потребность здесь и сейчас по отношению к вещи испытывает субъект особенно остро, какой цели он может достичь, используя эту вещь.

В этом отношении ценность культурно-исторического объекта для субъекта политики напрямую вытекает из его политических потребностей и интересов, а также способности объекта (объективной или мнимой, реальной или потенциальной) эту потребность удовлетворить. Поэтому направленность, цели, задачи, содержание, методы культурной политики, точнее, деятельности политического субъекта по сохранению и использованию культурного наследия связаны для осуществляющего ее субъекта с возможностью конвертировать ценность объектов культурного наследия во властные ресурсы.

То, каким образом осуществляется эта конвертация, позволяет выделить различные технологии применения объектов культурного наследия в политике. Границы между ними наметить непросто, поскольку, как правило, эти технологии имеют синтетическую природу и сочетают в себе элементы различных групп. К первой группе мы относим технологии традиционного характера: ресурсные технологии (конвертация в политические ресурсы материальной ценности культурных объектов); инструментальные (применение тех или иных

¹ Горбачев В.Г., Растопчин В.Г., Тищенко В.Н. 1989. *Культурные ценности. Понятие, порядок приобретения, хранения и обращения*: справочное пособие. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР. С. 214.

параметров объекта в качестве инструмента достижения конкретных политических целей); символические (использование символического потенциала объекта, позволяющего связать этот объект со значимым политическим, историческим или религиозным событием или явлением)¹.

Вторая группа технологий основывается на инновационных методах использования культурных объектов в политической деятельности; их отличает комплексность и многоплановость: субъект в своей деятельности актуализирует, «высвечивает», включает в свой политический дискурс не только одну или несколько составляющих ценности объекта, а всю социокультурную среду, текст и коды к тексту, которые сложились вокруг этого объекта.

Самой простой совокупностью традиционных технологий является ресурсный пул: при его применении объект культурного наследия может быть конвертирован в утилитарные ресурсы. Так, в годы политических потрясений, в периоды войн, длительных и глубоких социальных и экономических кризисов политические субъекты (в лице как институтов, так и социальных общностей или страт) сдают, продают, передают во временное пользование, меняют назначение культурных ценностей с целью извлечь из их использования максимально большую материальную выгоду². Культурные ценности обмениваются на иное имущество, используются для выплат репараций и контрибуций³. Интересы отдельных лиц и общностей, которые считают, что культурный объект представляет важную эстетическую, художественную или историческую ценность, могут игнорироваться или попираются. Именно в силу этого обстоятельства человечество лишилось и лишается объектов культурного наследия общемировой значимости.

Группа символических технологий применяется политическим субъектом для конвертирования символического потенциала объекта культурного наследия в элемент политического имиджа, символ или атрибут власти. Даже если легитимность политического лидера или института зиждется на легальных основаниях, и в этих случаях она нуждается в символическом обрамлении. Так, символами американской демократии и института президента является Капитолий, Белый дом, статуя Свободы и т.п. Власть и имидж харизматиче-

¹ К символическим технологиям можно также отнести процедурные: культурное наследие нематериального происхождения – ритуалы, молитвы, песни, сюжеты, которые применяются в качестве элемента того или иного политического действия, события, например парадов, коронаций, инаугураций и т.д.

² Хрестоматийные примеры. В первые годы царствования Петра I государство отчаянно нуждалось в деньгах для ведения шведской войны. Под предлогом того, что «монастырское достояние, достигшее в течение веков огромной ценности, уплывало без надлежащей пользы», государство последовательно устанавливало контроль над частью объектов исторического и культурного наследия, которое в дальнейшем использовалось как ресурс проведения государственной внутренней и внешней политики. Через 200 лет, в 1917 г., В.И. Ленин писал членам Политбюро: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр)» (Ленин В.И. Письмо об изъятии церковных ценностей. 19 марта 1922. – *Вестник Русского христианского движения*. Париж. 1970. № 97). Согласно Общей описи ценностей, изъятых из Успенского собора, только в апреле 1922 г. было передано в Гохран 13 ящиков (67 пуд. 2 ф. 31 зол. серебра), к которым 9 сентября того же года добавилось еще 9 пудов серебряного «лома», состоявшего из 17 лампад, серебряной раки патриарха Гермогена и большого серебряного подсвечника, сделанного по рисунку Васнецова.

³ В 1918 г. для выплаты контрибуции по заключенному 3.03.1918 г. Брестскому миру с Германией использовались реликвии кремлевских храмов, при этом стоимость ценностей из реквизированной ризницы Успенского собора определялась их весом.

ских лидеров или лидеров, претендующих на харизматичность, тяготеют к символическому декорированию, призванному отражать и подчеркивать символическую связь имиджа лидера с важными культурными или историческими явлениями, свидетельствовать о ее народности, глубинности, незабываемости, сакральности, богоданности и т.п. Отсюда склонность авторитарных лидеров новой волны к окружению себя и сопровождению различных процедур различными символическими атрибутами. Мы видим храмы, иконы, памятники, скульптуры, различные предметы из исторических коллекций и т.п. В России культурное наследие обрамляет образы всех великих правителей; исключение, на наш взгляд, составлял лишь имидж Б.Н. Ельцина, первого президента России, подчеркнуто дистанцировавшегося от всего традиционного, исторического, иллюстрирующего тем самым инновационный характер своего политического дискурса.

К символическим технологиям примыкают и сливаются с ними технологии легитимации, в которых объект культурного наследия сам по себе, а не в своем символическом статусе выступает как дополнительное обоснование или даже источник легитимности. Как правило, в качестве таковых источников выступают памятники-подлинники, т.е. здания, тексты, вещи, являющиеся прямыми свидетельствами истинности и легитимности, законности или сакральности власти. Особенную важность в этом отношении представляют литературные или художественные памятники, содержащие соответствующие свидетельства. Нередко они становятся источниками или подтверждениями тех или иных историцистских схем, официальной картины политической истории.

Авторитарная легитимность имеет меньший легальный компонент, поэтому легитимация через конструирование государственной памяти здесь необходима, да и искушение слишком велико. В авторитарном режиме больше символических компонентов. Его природа менее институционализована, поэтому символические технологии ее воспроизводства, поддержания и удержания более органично вписываются в политический дискурс. Культурное наследие оказывается источником истинных и сакральных «посланий из прошлого», которые при «правильной» интерпретации несут в себе идеи и смыслы, актуальные для политического настоящего: то, что мы делаем, необходимо и верно; наше дело правое; мы победители, и нашу победу никому не отдадим; мы – народ-богосец и т.п. Эти идеи и значения, если они каким-то образом гармонируют с существующим в настоящем образом власти, обеспечивают и гармонию общества и власти. Символические послания «из прошлого» конструируют идеальную модель власти настоящей, встраивая ее в историцистскую схему прошлого. Отсюда избирательность власти в политике наследия: одни объекты уничтожаются, другие – музеефицируются, третьи – «перекодируются».

За примерами далеко ходить не надо – достаточно обратиться к недавнему историческому прошлому постсоветской России, когда отторжение всего «коммунистического» распространилось и на объекты культурного наследия: в течение короткого времени были повержены постаменты «коммунистических идов» по всей стране [Растимешина, Пирогов 2017]. Так, снос памятника Ф.Э. Дзержинскому, по словам бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова, отвечал его *idée fixe* «собрать вместе всех бронзовых и гранитных советских вождей» для их демонстрации как своеобразных символов «политического насилия, от которого стонут души миллионов»¹. То есть, это своеобразная попытка «зачистки пространства памяти» посредством памятников культурного наследия.

Не меньшее значение имеет и практика «забвения». Отказ от преемствен-

¹ Лужков Ю.М. 1996. *Мы дети твои, Москва*. М.: Вагриус. С. 272, 275.

ности, сопровождающийся разрушением культурного и политического опыта, цивилизационных накоплений, материально воплощенных в объектах культурного наследия, в политике памяти используется не менее широко, чем конструирование искусственных моделей прошлого. Разрыв с традициями или антиисторический утопизм также может служить технологией легитимации революционных изменений. Он может сопровождаться и репрессиями в отношении носителей традиций (в частности, в 30-е гг. XX в. в России и в Турции велась активная борьба с носителями традиций – священниками и религиозными деятелями). По воле политических антиисторических утопистов культурные памятники могут варварски уничтожаться, расхищаться и менять свое назначение. Именно это произошло с огромным числом религиозных памятников в России (этот процесс начался в период военного коммунизма и не прекращался до падения советского режима).

Одним из инструментов, с одной стороны, воспрепятствования варварскому расхищению объектов культурного наследия и причинению невосполнимого ущерба историческому и культурному достоянию, с другой – декодирования объекта, имеющего много кодов (как Софийский собор и мечеть одновременно), а также интеграции интересов субъектов, по-разному понимающих ценность культурного объекта¹, является музеефикация, т.е. присвоение культурному объекту статуса охраняемого государством музея. Так произошло и в случае с собором св. Софии: в 30-е гг. XX в. представители двух религиозных концессий хотели видеть ее храмом или мечетью, в то время как государство проводило решительную антиклерикальную и антирелигиозную политику. Музеефицировав объект, государство сняло тем самым часть напряжения в обществе в режиме «так не доставайся же ты никому».

Сегодня христиане всего мира продолжают считать собор уникальным в своем роде объектом. Так, путеводитель по Стамбулу на русском языке начинается следующими словами: «Возможно, благодаря именно этому культовому сооружению, мы приняли православие». В данном случае не столь важно, что автор путеводителя, видимо, поддавшись сильнейшему впечатлению от памятника, забыл, что принятие христианства произошло задолго до схизмы, а сегодня это сооружение уже не музей. Важно то, что автор путеводителя прав в главном: собор св. Софии в Стамбуле – действительно единственный в своем роде памятник, в течение полутора тысячелетий вызывающий алчное желание к обладанию и использованию у многих наций, государств, политических режимов и отдельных политиков. «На протяжении многих веков константинопольский храм Святой Софии был предметом политических игр и вождений. Со дня освящения в декабре 537 года он успел побывать православным храмом, католическим собором, мечетью, музеем и в июле 2020 года снова стал мечетью. Статусом Софии вечно кто-то недоволен, и, даже пока она стояла открытой для всех, музеем, одних не устраивало, что она еще не храм, других – что уже не мечеть. И чем больше недовольства, тем выше ее символическая

¹ Интересы гражданского общества (в лице рефлексизирующего меньшинства – интеллигенции, духовенства, аристократии), заключающиеся в сохранении объекта, консервации всех его функциональных аспектов, часто противоречат сиюминутным интересам государства.

ценность, а чем выше символическая ценность, тем больше искушение с таким важным символом что-нибудь да сделать»¹.

Софийский собор — это одно из древнейших культовых сооружений двух религий, один из крупнейших соборов в мире, архитектурный канон и объект для подражания. Храм был заложен Константином Великим, третий храм строился в период правления Юстиниана, и уже при его строительстве император Юстиниан был одержим идеей превзойти величием самого царя Соломона, замыслив и выстроив сооружение больше и краше Соломонова храма. Заказчиком, архитекторами и строителями было задумано воссоздать во внешнем облике и интерьерах собора земное воплощение небес. «На цепи подвешен к небесам», — писали современники, поражаясь легкости и невесомости гигантского купола (31 м в диаметре) и света из бесчисленных окон, благодаря которым стены казались почти прозрачными. В некоторых источниках утверждается, что колонны зеленого мрамора были доставлены из храма Артемиды в Эфесе, а из порфира — из храма Солнца в Риме. По легенде, Юстиниан закричал: «Я превзошел тебя, Соломон!» По окончании работ над собором Юстиниан получил повод называть свою столицу Новым Иерусалимом. С 537 г. на протяжении 916 лет храм святой Софии был кафедральным храмом Константинополя (именно в этом соборе в 1054 г. началась история католической и православной церквей), главным алтарем византийского мира и с XIV в. — всего православного мира.

Храм неоднократно горел и перестраивался, неоднократно страдал от землетрясений (в X в. пришлось перестраивать купол), но в XV в., после персидского завоевания, св. София была на 481 год превращена в мечеть², и уже 500 лет служит объектом архитектурного подражания для всех зодчих Турции и всего исламского мира. Важно отметить, что смена власти и режима эксплуатации, произошедшая после завоевания Стамбула султаном Мехмедом Фатихом, стала началом нового периода эксплуатации собора, однако новые правители отнеслись к сооружению с уважением и почтением. Он был перекодирован в мечеть, но не на основе разрушения, а посредством максимальной ассимиляции объекта в условиях новой культуры. По легенде, султан Мехмед, войдя в собор и увидев это беспрецедентное искусство и неземную красоту, воскликнул: «Воистину люди эти были и ушли, а иных после них, им подобных, не будет». Солдаты хотели вынести золото и драгоценные предметы, но султан объявил собор мечетью, тем самым придав всем хранившимся в нем предметам статус религиозных. Церковь не была осквернена и разграблена — новые «владельцы»

¹ Святая София в Стамбуле снова стала мечетью. Рассказываем историю важнейшего памятника культуры, в разные годы побывавшего храмом, музеем и мечетью. Доступ: <https://esquire.ru/articles/192913-svyataya-sofiya-v-stambule-snova-stala-mechetyu-rasskazyvaem-istoriyu-vazhneyshego-pamyatnika-kultury-v-raznye-gody-pobyvavshego-hramom-muzeem-i-mechetyu/#part0> (проверено 13.11.2020).

² Мусульманам города понадобилось несколько столетий, чтобы принять Софию-мечеть как свою. Расстаться с идеей Софии-храма оказалось сложнее. К ней регулярно возвращаются не только греки, считающие Софию своей, но и русские, тоже так считающие. Не совсем безосновательно, конечно, — все-таки и христианство наше византийское, и именно внутреннее золото Софии повлияло на выбор религии послами князя Владимира. Софию вполне можно считать прообразом многих русских храмов (София Киевская и Новгородская, чтобы далеко не ходить), и довольно многое о том, какой была София до завоевания, мы знаем из записей русских паломников из Царьграда. Мечты о возрождении Царьграда начинаются с «греческого проекта» Екатерины II; она мечтала покорить Константинополь и сделать столицей нового православного государства, где правил бы ее внук, которого она стратегически назвала Константином. И хотя «греческий проект» воплотить не удалось, Екатерина все-таки построила свой маленький Царьград — Царское Село, со своей маленькой Софией.

ее не уничтожили, но те объекты, которые, согласно исламу, не должны находиться в мечети, были закрыты¹. Таким образом, собор — это еще и символ «нового типа султаната»: просвещенного, толерантного, веротерпимого, ориентированного на сохранение ценностей римской цивилизации, на диалог с Западом.

Решение о музеефикации собора было связано с идеей Кемаля Ататюрка о построении новой турецкой государственности на основе новой национальной идентичности турецкой нации и идеологии пантюркизма. Культурное наследие формирует значимую часть «пространства жизни» людей, образует для них элементы системы координат, которая определяет их представления о мире, о себе, своих действиях. Объекты культурного наследия представляют своего рода «формальные схемы, которые в символической форме отражают бессознательно оформленный культурный опыт человеческого рода» [Ионов 1996: 13]. При воздействии памятника художественной культуры на сознание у человека формируется в т.ч. идентичность — не только соотнесение, отождествление людей с соответствующей общностью, но и представление о самой общности. Идеи толерантности, веротерпимости, секулярного характера государственной власти, европейского отношения к культурным ценностям лежали в основе музеефикации памятника и, благодаря памятнику-музею, должны были стать частью новой турецкой государственно-гражданской идентичности. Турецкая нация как социальная и политическая общность, согласно замыслу Ататюрка, должна была стать и стала единой нацией, объединенной общими прошлым и общими представлениями о своем будущем как о просвещенной европейской *civic nation*, исповедующей ценности рационализма, просвещения, антиклерикализма, единой в языке, истории, культуре, политическом курсе и не разделенной по религиозному, этническому, языковому или территориальному признаку.

Музеефикация Софийского собора была важнейшим политическим и культурным событием в политической истории Турции и всего европейского мира в его геополитической интерпретации. Обращает на себя внимание сам рациональный подход, с которым осуществлялась музеефикация: Ататюрк доказывал чиновникам и гражданам, что, если нации нужны храмы или мечети, они будут построены, но храм св. Софии, церковь Хора в Стамбуле и другие памятники — это наследие наднационального и надрелигиозного масштаба, которые турецкая нация сохранит для мира и предоставит доступ для всех на основании полного равенства. Поскольку сооружение почти тысячу лет было храмом и 500 лет — мечетью, в интерьере собора-музея было сохранено именно такое — количественное (2: 1) — соотношение памятников христианства и мусульманства.

Таким образом, «конфисковав» храм и мечеть у верующих и подарив Софийский собор всему миру, Ататюрк тем самым только умножил ее и без того неисчисляемую символическую ценность. Решение Ататюрка имело всемирное и, как нам представляется, историческое значение. Однако, как и при любом политическом решении, осталось огромное число недовольных, наиболее мощную группу среди которых составляли турецкие мусульмане. Еще недавно Р. Эрдоган выстраивал свой политический дискурс, ориентируясь на задачу стать «новым Ататюрком» — вторым отцом нации, сохраняя и транс-

¹ Считается, что византийские мозаики в интерьере сохранились, потому что при устройстве в здании мечети их замазали штукатуркой. После музеефикации под руководством американского профессора Томаса Уитмора были проведены работы по реставрации мозаик собора. Претерпел изменения и внешний облик собора: к нему пристроили четыре минарета.

лируя важные для пантюркизма ценности, такие как рационализм, секуляризация и диалог с Западной Европой на одном социокультурном языке. Однако по мере того, как популярность Эрдогана как в народе, так и в политическом классе (Эрдоган — глава правящей в Турции Партии справедливости и развития) ослабевала, для сохранения и укрепления своих политических позиций Эрдоган все активнее стал применять религиозный фактор — религиозные «скрепы». Заместитель Эрдогана по ПСР Нуман Куртулмуш в связи с этим заявил: «В территориальном плане собор Святой Софии является нашей собственностью. Кто взял его мечом, тому он и принадлежит»¹.

Несмотря на то что, согласно исследованиям Р. Инглхарата, во всем мире на векторе ценностей человечество движется от традиционализма к рационализму, объявлять полную победу секуляризации оказалось преждевременным. Религия в новом мире имеет все более опосредованное отношение к вере, зато все более прямо она связана с культурной самостью, выступая как одна из идентификационных характеристик социальных и государственных систем. Религия часто оказывается более глубоко укорененной в основаниях цивилизации конструкцией, чем политические стратегии и идеология. Религия, как и традиции, культурные нормы и ценности, стали дополнительным и довольно ярким цивилизационным маяком, базисным основанием социокультурной идентичности, одним из устойчивых социокультурных кодов, ключей от цивилизаций. Авторы доклада «Контуры мирового будущего» констатируют: «Религия играет все более важную роль в том, как люди определяют свою идентичность. Во многих обществах границы между религиозными группами и внутри них могут стать не менее важными, чем национальные границы» [Шубин 2005: 9]. Поэтому и политики в условиях кризисов, неустойчивости режимов пытаются применить религиозный фактор как инструмент уплотнения размытых идентичностей, гармонизации социальных и политических систем за счет их «скрепления» («скрепы») и подпитки такими стабильными конструкциями, как религиозные нормы и ритуалы [Дробижева 2006; 2007; 2008; 2009; Крестинина 2008; Лапкин 2008; Малинова 2007; 2010; Хантингтон 2004; Bertho 2008; Olivier 2009].

Еще несколько лет назад Эрдоган не считал, что применение религиозного фактора является эффективным механизмом объединения нации и укрепления своей легитимности. К тому же религиозный ренессанс противоречит большинству идей пантюркизма, а также политическим догматам и заветам К. Ататюрка². Однако коронавирусный кризис, охвативший мир, особенно сильно ударил по экономике и социальной сфере Турции. В то время как во многих странах рейтинг политической власти рос, наблюдался феномен ралли вокруг флага, рейтинг партии и самого президента Турции стремительно снижался, достигнув к маю критической отметки. На наш взгляд, именно коронавирусный кризис и падение рейтинга президента Эрдогана вынудили его к принятию решения о демусеефикации собора св. Софии и возвращении ей статуса мечети.

Согласно данным внутренних социологических опросов, 70% граждан Турции одобрительно отнеслись к этой идее. Авторы полагают, что в текущей

¹ Собор Святой Софии в Стамбуле: музей закрылся, мечеть открылась. Доступ: <https://www.dw.com/ru/> (проверено 25.08.2020).

² Еще недавно президент Эрдоган говорил, что демусеефикация невозможна. «Сначала заполните Голубую мечеть», — ответил он год назад на просьбу сделать Софию мечетью. Не последнюю роль в приверженности политике музеефикации играло и то, что София-музей была самым прибыльным туристическим объектом города: по разным подсчетам, она приносила в год до 75 млн долл.

политической ситуации Р. Эрдоган не представляет, какие возможные потери может принести сиюминутная символическая выгода от демузеефикации собора и усиления национальной политической идентичности религиозными скрепами. Самое опасное и непредсказуемое, что, на наш взгляд, сегодня происходит в общественном сознании турецкой нации, – это раскол по поводу идей пантюркизма. Часть турок не придают значения демузеефикации, в то время как другая часть прощается с мечтой о светском турецком европейском государстве и ее имиджем в качестве такового. Хотя власти Турции и обещают сохранить собор и открыть бесплатный доступ внутрь для всех желающих, и в Турции, и во всем мире историки, культурологи, религиоведы и все те, кто не чужд страсти к путешествиям и созерцанию прекрасного, понимают: отныне режим эксплуатации памятника всемирного значения определяется одним человеком, который хотел показать и показал, что всему миру придется считаться с его авторитарной волей и проститься с музеем. Укрепит ли это властные позиции Эрдогана? Пока ответить на этот вопрос затруднительно.

Список литературы

Дробижева Л.М. 2006. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. – *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России* (отв. ред. В.С. Магун). М.: Изд-во ИС РАН. С. 10-29.

Дробижева Л.М. 2007. Размышления о государственно-гражданской идентичности. – *Жизнь национальностей*. № 2.

Дробижева Л.М. 2008. Возможен ли конструктивный национализм? – *Россия в глобальной политике*. 2008. № 6. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/vozmozhen-li-konstruktivnyj-nacjonalizm/> (проверено 13.11.2020).

Дробижева Л.М. 2009. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ. – *Вестник Института Кеннана в России*. Вып. 16. Доступ: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Tolerantnost_i_priblemu.pdf (проверено 13.11.2020).

Ионов И.Н. 1996. Историческое бессознательное и политический миф. – *Современная политическая мифология. Содержание и механизмы функционирования*. М.: Изд-во РГГУ. С. 12-28.

Крестинина Е. 2008. Социально-политическая идентичность в условиях интеграции. – *Власть*. № 4. С. 36-38.

Лапкин В.В. 2008. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 50-58.

Малинова О. 2007. Конструирование идентичности: возможности и ограничения. – *Pro et Contra*. № 3. С. 60-65.

Малинова О.Ю. 2010. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 90-105.

Растимешина Т.В., Пирогов А.И. 2017. Культурное наследие Москвы и Санкт-Петербурга в контексте дискурса власти в современной России. – *Вестник РМАТ*. № 4. С. 5-9.

Хантингтон. 2004. С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ. 635 с.

Шубин А.В. 2005. *Россия и мир в 2020 году*. М.: Европа. 46 с.

Bertho A. 2008. *Nous autres, nous-mêmes: ethnographie politique du présent*. Bellecombe-en-Bauges: Éd. du Croquant. 140 p.

Olivier B. 2009. *Les identités collectives à l'heure de la mondialisation*. Paris: CNRS éditions. 152 p.

RASTIMESHINA Tatyana Vladimirovna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor; Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (1 Shokina Sq, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498; rast-v2012@yandex.ru)

PIROGOV Aleksandr Ivanovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (1 Shokina Sq, Zelenograd, Moscow, Russia, 124498; aipirogov2013@gmail.com)

CULTURAL HERITAGE AS AN AUTHORITY RESOURCE: DEMUSEUMIFICATION OF HAGIA SOPHIA AS THE TOOL OF THE LEGITIMACY SUPPORT

Abstract. *In the article, the authors show the relationship between cultural heritage and political interests of the authorities, clarify the concept of the value of a cultural and historical object in its socio-cultural context, and close relationship with the political needs and interests of the subjects of politics. The article substantiates possibility of converting the value of cultural heritage objects into power resources. Using the example of the Hagia Sophia in Istanbul, the authors characterize museumification as a way of resolving confessional confrontation and demuseumification as a tool for preserving and strengthening political positions of the current government in difficult socio-economic and political conditions, including those associated with the global pandemic of coronavirus infection.*

Keywords: *cultural heritage, museumification, demuseumification, political interests, power, pandemic, coronavirus*

СЕРЕГИНА Татьяна Николаевна – кандидат философских наук; доцент департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, 49; seregina.tatiana@gmail.com)

КЛЯГИН Сергей Вячеславович – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой теории и практики общественных связей Российского государственного гуманитарного университета (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6; sklyagin@gmail.com)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ГОРОДЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема трансформации коммуникативных процессов в современном городе под влиянием доминирования технологий; раскрываются особенности коммуникативных процессов в информационном и сетевом пространстве города; показывается трансформация ценностных установок в коммуникативном пространстве города. Авторы делают вывод о необходимости использования синергетической методологии при изучении коммуникативных взаимодействий в городском пространстве.*

Ключевые слова: *город, урбанизация, сетевое общество, информационное общество, ценности, коммуникация, синергетика.*

Генезис городского пространства под влиянием перехода общества от индустриального к постиндустриальному, от традиционного общества к обществу знания привел, во-первых, к изменению пространства города: устранению демаркационных линий, границ, кластеров в городе, к размыванию традиционного понимания социального времени применительно к городу; во-вторых, к появлению городских «горизонтальных» социальных